

М. САРКИСЯН

ОБВАЛ

(ПУТЕВОЙ ОЧЕРК)

Изд. Союза Советских Писателей АССР Абхазии
СУХУМ : : (РУССКАЯ СЕКЦИЯ) : : 1933

Ответственный редактор
Ан. Фадеев

ЛТМ МГ
КП - 592
Р - 691

М. САРКИСЯН

ОБВАЛ

(Путевой очерк)

СУХУМ

1933

Тип. «Сов. Абхазии» и «Апсны Капш»
Сухум, ул. Фрунзе, 83.
Главлит № 1—Б. Зак. № 519—2000

ОБВАЛ

Сухум еще спал сладким утренним сном, когда меня разбудил тревожный стук. Выскочив, я перед собой увидел Сашу Туркия—зам. председателя абх. Красного креста. Серый цвет его неумытого лица доказывал, что он не спал всю ночь и утомлен.

— На чхалтинских лесоразработках снежные обвалы, погибают рабочие. Необходимо оказать скорую помощь. Мы организовали спасательный отряд Красного креста. Ты поедешь начальником отряда, — ответил он на мой вопросительный взгляд.

— Через час отправляетесь, — по-боевому добавил он.

Собираться пришлось недолго; вскоре я был в правлении Красного креста.

Помещение правления потеряло свой канцелярский опрятный вид. Всюду на полу и на столах разложены ящики, санитарные сумки, продукты, медикаменты. Все сотрудники копаются в них, укладывают, переписывают. Красный крест из мирного положения быстро переключился на боевое. Руководит Анчабадзе, зав. медчастью Красного креста. Он бодр, хотя с 2 часов ночи, с момента получения телеграммы об аварии, он работает, организовывая отряд.

— Вот твой отряд, — указал он на группу товарищей, возившихся над вещами.

Приятно видеть плоды своей работы. Вот они — эти слушатели кружков первой помощи, которые я организовал от Красного креста. Они добровольно изъявили согласие отправиться с отрядом. Недаром же все они премированные ударники на производстве.

Принимаю инвентарь.

Отряд готов.

Задание получено.

Направляемся к поджидавшему нас внизу грузовику. Здесь собралась толпа любопытных, взволнованных граждан. Они моментально окружают нас и засыпают то вопросами, то советами.

— Сынок, куда ты едешь? — обращается старушка к санитару Берулава, — ты не знаешь, что творится там? Жалко мне твою мать.

— Не жалей, матушка, — спокойно отвечает Берулава, — я знаю, куда иду, я часто бывал там. Знаю, что опасно там, но товарищам нужно помочь, — немного взволнованно закончил он и, махнув рукой, добавил, — все равно ты этого не поймешь...

— Доктор, вам надоело жить? Куда вы идете, зачем? — обращается ко мне с улыбкой и деланным состраданием один из моих больных.

Но большинство одобряло нас. Слова похвалы и подбадривания слышались отовсюду.

Погрузившись на машину, проверили инвентарь и под долго несмолкаемое «ура» двинулись в путь.

По дороге к нам присоединились директор Абхаз-леса тов. Габуния, следователь Игитханов, инспектор здравоохранения тов. Сахокия, телефонист и еще другие.

Перед мерхеульским мостом машина стала: дальше ехать было невозможно. Основание моста смыла разбушевавшаяся речка Маджарка. Пришлось пешком двинуться к мерхеульскому сельсовету. Еле-еле перенесли через мост тяжелые мешки и ящики на плечах.

В сельсовете достали двух лошадей. Потрудили вещи и двинулись дальше.

Ольгинское ущелье пропустило нас без крупных затруднений и приключений, хотя местами дорога была загорожена обвалами и покрыта глубоким снегом. Мы осторожно продвигались вперед.

Наши мучения начались от села Ольгинского. Солнечные лучи настолько усердно палили, что снег на дороге начал быстро таять. Образовалась целая речка. Трудно было идти. Нога не находила твердой опоры под водой, скользя по полуталому снегу. То и дело спотыкались и падали на колени.

Итти дальше по дороге было невозможно. Решили свернуть влево. Но здесь оказалось еще хуже. Обе лошади ушли по шею в снег и не могли под-

няться. Пришлось разгрузить их и на себе поднять груз до дороги, где вновь нагрузили лошадей.

Чем выше, тем хуже становилась дорога. Было прервано сообщение с Цебельдой. Даже крестьяне не выезжали на арбах.

К вечеру таяние снегов приостановилось. Стало немного легче идти. Но так продолжалось недолго: пошел дождь.

Разбитые, промокшие, с окоченевшими от холода конечностями, поздно вечером мы пришли в Цебельду.

Веселый огонь в печке, чай и теплое помещение в Доме крестьянина вернули нам силы и бодрость.

Всем хотелось двинуться дальше. Мы спешили на помощь товарищам. Но в такую погоду это было очень опасно.

На совещании совместно с вновь присоединившимся членом правительственной комиссии, председателем цебельдинского сельсовета, т. Аюповым было решено заночевать в Цебельде.

Утро 15 февраля нас встретило неприветливо: лил дождь. Несмотря на это, мы потрудились на двух лошадях и двинулись дальше.

В Цебельде мы не смогли точно узнать, что произошло на чхалтинских лесоразработках. Ходили разные слухи. Одни говорили, что погибло 100 человек, другие — 10 чел. Но никто ничего не знал на верное.

Дороги на Захаровку не было видно: вся была завалена полутораметровым снегом.

Лошади не могли идти: то и дело они зарывались по грудь в рыхлый снег. Но бодрый дух участников отряда сглаживал невероятные затруднения.

В Захаровке поместились в клубе, превращенном в общежитие рабочих, которые возвратились из ближайших лесоразработок. Они ничего не знали о событиях на Брамбе, Генцвиш, Зима. Когда узнали — начали очищать дороги от снега, а многие добровольно отправились на Чхалту выручать товарищей.

В Амткелах выюки переложили на других лошадей и двинулись дальше.

Шли ощупью: не было тропы. За опушкой леса встретили возвращающихся рабочих. От них узнали радостную весть: тропа проведена до Лат.

Но не легко было идти по этой тропе. Снег скользкий и мокрый. Спотыкались ежеминутно и, отклонившись от тропы, уходили по пояс в снег.

Наконец, дошли до Багадской скалы. Сколько ужаса она внушает. Туристы, проходящие даже летом в хорошую погоду, на всю жизнь запоминают ее величие и таящуюся в ней смерть.

Поэтому мы были особенно осторожны. Расставили отряд, лошадей. Впереди шел проводник. Ло-

пади в этом месте идут быстро, — ими руководит инстинкт самосохранения, их никакими силами не удержишь под скалой. Чаландары их пускают свободно и бегут за ними.

Что-то сорвалось со скалы и полетело на меня. Машинально закрыл глаза и остановился. Целый рой мыслей пролетел в эту секунду в голове. Когда открыл — увидел перед собой... весело чирикающего воробья.

Отряд благополучно прошел скалу.

Удобнее всего здесь проходить рано утром или поздно вечером, когда не сыплются камни.

Дальше спуск. Больше скользим, чем идем. То одна, то другая нога скользит и уходит в снежные ямы.

На этом пути не оказалось снежных обвалов, но дождь лил с прежней силой.

Поздно вечером мы пришли в с. Латы.

Все помещения были заняты возвращающимися рабочими. Мы кое-как устроились в кооперативе, развели огонь, но обсохнуть за ночь так и не удалось, — слишком промокла наша одежда.

От рабочих узнали, что выпавший глубокий снег многих застал в лесу. Итти в Чхалту казалось невозможным. Отрезанными оказались 3... группы по 60—100 человек. В лесу, без еды и крова. Но они вышли из лесу благополучно.

Хуже обстояло дело с теми рабочими, которых

застали снежные завалы в бараках стоянки. Там есть жертвы, но сколько их — еще неизвестно.

Интересную новость передали местные жители: за 2 дня до нашего прихода у с. Латы на 5 минут стала река Кодор. Очевидцы рассказывали, что не стало вдруг в реке воды, и масса рыбы лежала на оголенном дне. Где-то в верховьях большой снежный обвал загородил дорогу Кодору.

В Латах пришлось разбить отряд на две части. Для обслуживания проходящих рабочих в Латах оставил лекпома Науменко с двумя санитарами и медикаментами, а сам отправился дальше с военным лекпомом и двумя санитарами.

Дальше нельзя было везти груз на лошадях: еще не была проведена тропа до Чхалты и дальше. Пришлось медикаменты и продукты разделить по сумкам и нести на себе. Груз был поровну разделен между участниками экспедиции.

Крупные обвалы начались в 5-ти километрах за сел. Латы. Слева нависли гиганты-скалы с несметным количеством снега. Дорога вся покрыта им. То и дело сползают снежные лавины.

Трудно взбираться на завалы, еще труднее спускаться. Мы проваливаемся по грудь в снег, вытаскиваем друг друга, идем дальше и снова проваливаемся. Порой пробегаем опасные места, а на равнинах отдыхаем и набираемся сил. Хочется пить.

Рядом протекает ручей—всего в шести шагах, но дойти трудно, устали, а, чтобы пройти эти шесть шагов, надо шесть раз потрузиться по поясу в снег.

Сделали привал, закурили.

Опять идем. Каждый шаг — напряжение сил и нервов.

Поздно вечером приходим в Чхалту.

Вечером закипела работа. Правительственная комиссия принялась за расследование причин обвалов и количества жертв. Наш отряд занялся больными в амбулаторией.

Оказались больные — с отмороженными конечностями и воспалением легких.

С другой стороны, в некоторых бараках выбиты стекла. Бараков много, построены хорошо и всецело соответствуют своему назначению. Там мы нашли все медикаменты и перевязочный материал в значительном количестве.

Лекпом — с 15-летним стажем, с большим опытом. Лучшего нельзя было ожидать для Чхалты.

Но, как везде, и здесь нашлись спеееды и медицина ненавистники. Бросались, например, такие обвинения:

— Почему умер от воспаления легких Иванов? Разве от воспаления легких умирают? Конечно, нет, — отвечают сами и добавляют с злорадством: — А вот у нашего лекпома умирают. Или же: — Что за

чорт, — жаловался один, — голова болит — порошок дают, нога болит — тоже порошок дают. Не лечение, а мучение.

Все это старо, не интересно и недостойно того, чтобы остановиться на этом подробно. Но вот чхалтинская администрация обвиняет аджарскую больницу в том, что там кормят и лечат больных рабочих из рук вон плохо.

Наше расследование, совместно с инспектором здравоохранения тов. Сахокия, доказало обратное: больница лечила хорошо, а вот чхалтинская контора снабжала очень плохо продуктами больницу. Все эти вопросы были урегулированы нами на месте.

Утром получаю задание от правительственной комиссии отправиться в с. Ажары наладить живую связь и оказать медицинскую помощь спасенным.

Быстро собираемся и выступаем в путь. Нам помогают двое рабочих. Дорога все хуже и хуже. Кругом обвалы рыхлого снега. То и дело приходится делать крутые спуски и подъемы, падая в снег и уходя в него по горло.

Идем очень медленно. Шесть километров прошли в три часа.

Уже находясь в центре села Ажары, я не видел домов. Толщина снега доходила до 2—3 метров. Сообщения с окрестными селами не было. Никто не знал, что происходит там, сколько жертв. Доходили

лишь отрывочные сведения: такой-то вышел из дому и не возвратился. Такого-то отрыли в снегу мертвым...

В Ажарах, в этом красивом и богатом своими холодными водами уголке, нельзя было найти воды. Приходилось пить снежную, потому что до родника нельзя было добраться.

Кое-где под тяжестью снега провалились крыши домов.

Входим в недостроенную, просторную новую больницу.

...Картина событий на Брамбе на основании собранного в Чхалте материала и опроса двух рабочих получается следующая:

Чхалтинская контора, в виду угрожающей опасности, предписала рабочим барака на реке Брамба немедленно эвакуироваться в Чхалту. Рабочие выпекли хлеб, собрали свои вещи и уже собирались выходить из барака, когда неожиданно с невероятной силой обрушился на них снежный обвал.

Это было так:

Примерно к 8 часам вечера вдруг раздался невероятный шум ползущего леса с камнями и снегом, с неимоверной быстротой докатившихся до барака. Никто из рабочих не успел выскочить.

Спасенный Киртадзе Александр рассказывал, что он, вдруг, в этот вечер услышал шум. Ветер с

большой силой распахнул дверь. Он бросился затворять ее, но его отшвырнуло внутрь барака. Он потерял сознание.

Когда пришел в себя, услышал поблизости крик о помощи товарища Чинчирадзе Акомия. Вначале он не соображал, где находится, но, когда поел снега, очнулся. Осмотревшись, он увидел, что засыпан снегом до половины бедер. Между его ног покоилась голова мертвого товарища, засыпанного снегом. На расстоянии шага лежал полусыпанный Чинчирадзе. Ощупав голову покойного товарища, он стал кричать о помощи. Они оба царапали снег руками и пытались высвободиться из оков крепко охватившего со всех сторон снега, но безуспешно. Их клонило ко сну. Они то засыпали, то просыпались и снова кричали.

Тем временем в Чхалте узнали о несчастии через группу рабочих, которая была отрезана на Брамбском участке в лесу и еле-еле пробралась в Чхалту. Рабочие увидели исчезновение барака, но не могли остансвиться и отрыть товарищей, так как, во-первых, были изнурены голодом, и, во-вторых, обвал еще продолжался.

В Чхалте готовился отряд рабочих на помощь потерпевшим на Брамбе товарищам. В первый день никак нельзя было пройти к разбитому бараку на Брамбе. Бушевала неимоверная метель, и продолжались завалы. Пришлось вернуться с полноты.

На второй день рабочие дошли до места происшествия. Начали рыть снег. На глубине 8-ми метров обнаружили остатки барака. Совершенно случайно спасли двоих рабочих.

Когда в прорубь спустился один из рабочих, Чинчирадзе откликнулся первым. Спустили веревку. Чинчирадзе обвязал ее вокруг пояса. Его вытащили. Он потерял сознание и пришел в себя лишь в больнице.

Когда спустились в прорубь за другим спасенным, обнаружили, что оба спаслись только потому, что находились в треугольной нише, образовавшейся между упавшими столбом и полом. Откопав с большим трудом лежавшего без сознания Киртадзе, они подняли его наверх.

Нести обоих в Ажары оказалось невозможным. Поэтому Киртадзе отнесли в дом свана и оказали ему первую помощь, а Чинчирадзе привязали к длинным шестам и донесли с большим трудом до ажарской больницы. Среди остальных 16-ти рабочих ни одного не оказалось в живых. У всех при осмотре обнаружили крупные раны и переломы.

В ажарской больнице я застал пострадавшего Чинчирадзе. Он еще не вполне пришел в себя: говорил несвязно, бредил и плакал во сне. И не вполне стряхнул ужасы пережитого. У него обнаружен перелом левой ключицы и ребер справа, и отмороже-

ны пальцы на правой ноге. Ему оказываем соответствующую помощь. Он спокойно переносит все.

— Хоть режьте ноги, не боюсь. — грустно качая головой, приговаривает он. — Это что за боль. Вот когда лежал в гробу — там, в снегу...

Не докончив фразы, он машет рукой и молчит, качая головой. Видно он избегает воспоминаний.

Его карие глаза с длинными ресницами выражают грусть. В беспорядке широкий, уже покрытый морщинами, лоб украшают курчавые волосы. Они делают трагическим его молодое красивое лицо.

В тот же день был отправлен отряд, и доставлен в больницу другой спасенный Киртадзе.

Когда узнал Чинчирадзе, что скоро принесут Киртадзе, он стал буяннить. Сперва бросился к двери, а затем пытался выбежать.

— Хочу его встретить на пороге, — говорил он, — это мой брат: мы вместе родились.

Когда внесли на длинных шестах привязанного веревками Киртадзе, Чинчирадзе вскочил с постели, подбежал к товарищу, обнял его и осыпал поцелуями его бородатое старческое лицо.

— Брат Александрэ, мы живы, мы будем живы! Не бойся, мертвой головы уже нет. Видишь, как все заботятся о нас.

— Спокойно, Акакий, не теряй мужества. Все кончилось. Нас не забудут. Советская власть рабо-

чих не забывает, — говорил Киртадзе, по-отечески утешая друга.

Акакий послушался. Лег на свою постель и спокойно следил, как развязывали Киртадзе.

Их уложили рядом. Они беспрерывно беседовали, вспоминали свою «загробную жизнь». Много жуткого перенесли они за те 3 дня, под снегом.

Для поднятия сил я угостил их кахетинским вином, с таким трудом на своих плечах доставленным из Сухума.

Это вызвало бодрую радость у обоих пострадавших.

— Спасибо товарищам, что они нас помнят и заботятся о нас, — закончил свой тост Киртадзе.

Одновременно произошел завал на участке Глувиш.

Вечером, после ужина, легли рабочие спать. Снег был глубокий, но никто не ожидал несчастья. Готовое распоряжение чхалтинской конторы об эвакуации не дошло до них. 3 дня подряд шел крупный снег и была мятель. Никто не мог пробраться к ним.

Завал двинулся с противоположной горы, перешел речку и засыпал барак. Из 10-ти душ остался в живых лишь один — сван Худидзе.

Он спал, когда произошел обвал. Проснувшись, он нашел себя стиснутым снегом до половины туловища. Стал звать на помощь, но никто не откликнулся. Клонило ко сну и сильно хотелось пить. Он поел снега и уснул. Тем временем окрестные сваны узнали о несчастье и сообщили в Чхалту. В течение двух дней ни рабочие, ни сваны не могли подойти к раздавленному барaku: слишком трудно было протоптать тропу на 2—3-метровом снегу.

На третий день, наконец, они добрались до барака и стали рыть снег.

Их шаги над головой разбудили Худидзе. Он стал кричать, но никто не услышал его.

В этот день крестьяне отрыли лишь двух мертвых и, в виду позднего времени и надвигающейся бури, ушли домой, возобновив работу на четвертый день.

На этот раз опять слышал Худидзе их шаги, не кричать уже не мог: он поел много снега и охрип. Сознание не покидало его. Рядом лежала полуметровая палочка. Он взял ее и вонзил в снег кверху, думая дать знать о себе. Конечно, это не достигло цели, так как над ним лежал снег толщиной в 5 метров.

На пятый день рабочие возобновили раскопки. Уже отрыли 9 мертвых. Вдруг от удара лопаты открылась полость, где лежала спина человека. Спина

повернулась. Все бросились к этому месту и стали отрывать Худидзе. Его отрыли, укутали в теплую одежду, которую сняли с себя рабочие и крестьяне. Худидзе был в полном сознании. Первая его просьба знаками была дать ему пить. Он с жадностью выпил стакан воды.

Затем его отнесли в дом свана, напоили горячим молоком, растерли тело водкой.

К утру он стал говорить. На вопрос, когда случился обвал, он ответил:

— Вчера вечером после ужина.

Человек под снегом потерял счет дням...

Уже 22 февраля больной чувствовал себя хорошо: температура была нормальная, появились силы и бодрость. Доставить его в ажарскую больницу было физически невозможно. При нем оставили дежурного практиканта из медтехникума.

На участке Зима обвал раздавил барак лесника также ночью. Погиб на посту старый партизнец, красный партизан, со своей семьей: женой, сыном и семилетней дочерью. Их выкопали, уложили в гробы и принесли в Чхалту.

В ажарской больнице лежали с отмороженными конечностями рабочие. Медпомощь им оказали раньше.

Отряд не сидел сложа руки. Закипела оживленная профработа среди служащих больницы. Выявили ударников и выдвиженцев. Составили текст соцдо-

говора с цебельдинской больницей. Разрешили некоторые административные вопросы. В подарок больнице оставили принесенный нами запас медикаментов и перевязочного материала. А на утро счищали с крыш выпавший за ночь полуметровый снег.

23 февраля, утром, по предписанию правительственной комиссии, мой отряд направился на Брамбу. Санитаров с грузом направили на Чхалты.

Было пасмурное, серое утро. Лес, украшенный, как елка, матово-серым снегом, выглядел как на картине художника. Птицы, изгнанные снегом и голодом из леса, ежась от холода, прыгали с камня на камень в Кодоре и искали себе корма. Стадо коз жадно щипало листья на свалившемся дереве.

Мы перешли мост через Кодор и направились к Брамбе...

Нас вел проводник. Вышли на поляну. Итти становилось все хуже и хуже. Узкая тропа исчезла под выпавшим за ночь снегом. В этот день еще никто не проходил на Брамбу.

Нас выводит из раздумья свисток. С противоположного берега давал сигнал идущий впереди отряда тов. Имтхалов.

Мы вскарабкались на ветки на половину засыпанного снегом дерева, уселись и начали наблюдать за отрядом.

По берегу растянулся отряд на четверть километра. Из них 32 человека несут на головах крыш-

ки и ящики от гробов. Эти гробы предназначены для погибших товарищей. Их уложат в гробы, закопают с тем, чтобы весной выкопать и отвезти каждого на свою родину. Все служащие конторы и правительственная комиссия идут с ними отдать свой последний долг погибшим товарищам.

Они идут медленно и молча, переходят мост и присоединяются к нам.

Мы двигаемся дальше.

Впереди идет самый опытный старый десятник. Он прочищает дорогу, срубает нависшие на тропу ветки деревьев и командует всеми.

С поляны заворачиваем налево в долину реки Брамба. Картина своим величием поражает нас.

Столетние самшиты покрыты снегом. Вся долина одета в снежный покров. Впечатление такое, как будто кто-то разбросал вату.

Мы идем осторожно и молча.

Таинственная долина, с ее отлогими, полными снега горами, уходящими ввысь и теряющимися в тумане вершинами, готовыми ринуться на нас и закрыть заживо, внушает нам инстинктивный страх.

На повороте подул ветер, поднял снег с долины, с деревьев и закрутил его в тумане.

Все стали, как вкопанные, в ожидании чего-то недоброго. Туман настолько усилился, что на расстоянии двух шагов не было видно соседа.

Так простояли каждый со своими горькими думами минут пять.

Туман рассеялся, и мы услышали команду двинуться.

Иду я третьим и слышу объяснения проводника.

Он указывает на следы дикой кошки, медведя, волков. Их здесь много.

На более опасных местах он приказывает бежать, что мы исполняем беспрекословно.

На одном из таких мест я споткнулся, соскользнул с тропы и увяз по горло в снегу. Барахтаюсь, пытаюсь вылезть: все безуспешно. Слева вижу гладь снега, теряющегося там наверху, в тумане. Двинется эта лавина снега в миллионы тонн по вине какого-нибудь воробья — и не станет нас.

За мной идет рабочий с крышкой от гроба. Я мешаю ему пройти. Ведь тропы одна-единственная. Он также переживает страх и спешит выбраться поскорее отсюда.

Я слышу, как умоляюще шепчет он мне:

— Поскорее, товарищ. Видишь, смерть идет. У меня дома жена, дети, — и бьет сзади крышкой гроба меня по затылку. Я напрягаю все силы, выползаю на четвереньках и бегу, а за мной — все остальные.

Два с лишним часа идем в напряженном состоянии 3 километра. Наконец, доходим до барака.

Барак не видно. Он был расположен на правом берегу реки Брамба в 10 метрах от гигантской скалы, которая уходила ввысь. Слева, на расстоянии 15 метров, протекала река шириной в 20 метров. За рекой на площади в 40 метров был расположен... лес, а за ним уже начиналась облысевшая высокая гора. Теперь вся эта площадь, не исключая и реки, находилась под толстым слоем от 5 до 10 метров затвердевшего снега, смешанного с камнями, землей и деревьями. Завал начался где-то там, на верхушке горы, по левую сторону реки, разделился на три ветви в середине ее и ринулся в реку, закрыв русло на полкилометра, придавив барак и засыпав его снегом толщиной в 8 метров.

Смотрю вниз в прорубь, на бывший барак. От него остались лишь одни щепки.

Закипела работа. Рабочие откопали мертвых, вытащили наверх и уложили в ряд. Их было 18 человек, этих жертв стихии. По их посиневшим, окровавленным, искривившимся челюстям можно было понять тот предсмертный ужас, который пережили они. Посиневшие пальцы, местами с отпавшими ногтями, сложенные в виде когтей, указывали, как перед смертью они царапали снег.

На некоторых были одеты их мешки — хурджи.

К ним подходили их товарищи, родственники и прощались в последний раз. Не одна слеза была пролита над трупами.

Уложили, закрыли крышки гробов.

Несколько теплых слез одного из рабочих, и гробы спускаются в яму.

Их засыпают снегом с тем, чтобы весной вновь откопать и отправить на родину. Так захотели рабочие, а администрация пошла им навстречу.

Все кончено. Мы спешим выбраться из этой долины смерти. Не идем, а бежим — и дорогу в 2 часа проходим в полчаса.

Наконец, выходим на поляну и садимся отдыхать.

Настроение у всех улучшается. Мы благополучно выбрались на безопасное место.

Разговорились с моим соседом-проводником.

— Знаешь, доктор, — говорит он, — вчера, на шестые сутки, откопали в бараке кошку. И что думаешь? Жива.

Другой полушутя, полуласково продолжает:

— Ну, и обжора. Мы вчера кормили ее целый вечер. Ест, не отказывается, хотя живот вот-вот лопнет. Но под печку уже не лезет, убегает в более прохладное место.

Всемогущий инстинкт самосохранения.

Вечером совещание в Чхалте. Подвели итоги проделанной работы и наметили план работ в дальнейшем.

Рабочих сравнительно мало. Их эвакуировали. Остальных также отправят. В конторе останутся лишь служащие и группа рабочих. Им нужен хлеб. Необходимо позаботиться о срочной доставке его в Чхалту. Около 300 пудов привезли до Красной будки, но дальше перебросить его пока невозможно.

Миссия отряда окончена. 24-го февраля, рано утром, двигаемся обратно на Латы.

Было ясное, солнечное утро. Ни одного облачка на небе. Солнце согрело и растопило снег. Всюду журчат ручейки, снег падает с деревьев.

К обеду заговорил покрытый снегом лес. Все двигалось, таяло и стремилось вниз к Кодору, по пути захватывая и увлекая с собой, что попало.

К обеду начался настоящий бой на левом берегу Кодора. Там ежеминутно раздается оглушительный шум от падающих деревьев, крупных завалов. Снежная пыль, поднятая обвалами, окутывает туманом площади завалов и скрывает их от нашего глаза.

Почва под ногами становится все рыхлее. Скользко и опасно. Малейшая неосторожность — и можем слететь в пропасть.

Накануне проведенная тропа уже засыпана местами завалами. Завалы идут без конца, и перед нами и за нами. Мы лавируем осторожно, выжидаем, пробегаем. Идем на саженой дистанции друг от друга.

Наконец, доходим до опасного места. Справа, на протяжении километра, высится громадная гора. Дорога тут засыпана крупными завалами.

Маленькие обвалы пробегаем быстро. Уже восемь таких обвалов прошли благополучно. Сейчас же после нас новые обвалы. Дорога назад закрыта. Передо мной вырастает свежий обвал, высотой выше моего роста. Сверху еще двигается снег. Я стараюсь с разбега подняться на его вершину, но увязаю в рыхлом снегу. Чем больше работаю ногами, тем глубже ухожу вниз. Под ногами потерял почву, твердую тропу, и меня тянет влево, в пропасть. Снежная стена справа надвигается на меня. Я царапаю ногтями, стараюсь вскарабкаться наверх, но все безуспешно...

В эти несколько секунд я понял предсмертную борьбу погибших на Брамбе; стало жутко. Я напрягаю все силы, пробую сделать прыжок, но ухудшаю свое положение. С ужасом чувствую, что проваливаюсь, скрываясь под снегом. Подоспевший сзади лежком Билан берет меня за ноги и вытаскивает кверху. Наконец, под ногами

твердый снег. Я спасен. Дорога пробита для остальных. Впереди еще три обвала.

Новые осложнения—на тропе застряли козы. Тропа узкая. Они не сходят с тропы, да и некуда им идти. А мне нужна тропа. Медлить нельзя: подвигаются новые снежные лавины. Бесцеремонно беру каждую в отдельности и сбрасываю в рыхлый снег, прочищая себе дорогу. Им выбраться легче, чем мне.

Благополучно пройдены последние завалы. Выбежал, задыхаясь на равнину, падаю на снег.

Подходят остальные товарищи.

За полчаса до нас в этом же месте засыпало Кецабая — зам. директора, абхаза, упавшей со скалы громадной глыбой снега. Его с трудом отрыли.

Наконец, дошли до Лат. Самое страшное пройдено. Впереди скала Багада.

25-го февраля благополучно проходим и ее.

Велика была наша радость, когда в Цебельде впервые после 8 дней ступили на землю.

Наша радость еще растет, когда узнаем, что из Красной Будки удалось доставить в Чхалту 300 пудов хлеба. Чхалта и Ажары обеспечены хлебом надолго, благодаря энергичной и своевременной героической работе администрации и рабочих Кодлеспрома.

Ведь, если начнет таять все это несметное количество снега, невозможно будет им ни пройти, ни проехать по этим дорогам.

Рабочие также устроены хорошо. Их перебросили в более безопасное место — Захаровку и Цебельду. Их там приютили и кормят в кредит добросовестно. Они переждут там несчастье и потом возвратятся в лес на работу.

Рабочие поняли во время этой аварии, что есть кому заботиться о них, в случае несчастья, ибо они живут в советской стране, первом в мире государстве пролетариата.

Цена 50 к.